

© 2006 г.

Е.Р. ЯРСКАЯ–СМИРНОВА, П.В. РОМАНОВ

Гендер и этничность в учебниках по социальной работе и социальной политике

ЯРСКАЯ–СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. РОМАНОВ Павел Васильевич – доктор социологических наук, профессор, директор Центра социальной политики и гендерных исследований, главный редактор «Журнала исследований социальной политики».

Введение

Прикладной характер делает профессию «социальная работа» принципиально важным агентством в деле осуществления принципов гендерного равенства. Фундаментальными для социальной работы являются принципы прав человека и социальной справедливости. Профессиональные социальные работники являются агентами изменений в обществе в целом и жизни отдельных индивидов, семей и сообществ, которых они обслуживают, стремясь при этом исключить все формы дискриминации, в том числе и по признакам расы, этничности и пола. От того, распознают ли специалисты по социальной работе неравенство на индивидуальном и институциональном уровне в непосредственном взаимоотношении с клиентами или на структурном уровне в организационных, социальных и политических отношениях, зависят перспективы антидискриминационного социального обслуживания, социальной справедливости и социального развития.

В постсоветской академической традиции социальной работы и социальной политики проблемы гендерных и этнических различий становятся предметом специального обсуждения [1-4]. Этический кодекс социальной работы, Гендерная стратегия Российской Федерации, Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 350500 «Социальная работа» от 2000 г. артикулируют эту позицию. Госстандартом курс «Гендерология и феминология» признан обязательным в числе специальных дисциплин (СД. 02), целый ряд других дисциплин выходит на гендерную проблематику: семейведение, социальная геронтология, проблемы социальной работы с молодежью, социальная политика. Атрибуты этничности входят в дидактические единицы в расшифровках ряда учебных дисциплин: «этнографические вопросы старения человека» (социальная геронтология), «этнографическая характеристика» (проблемы социальной работы с молодежью), «этнокультурные процессы становления русской государственности» (история), «этнографические аспекты социальной политики» (социальная политика).

Внимание к этничности и гендеру в учебной литературе по специальности «Социальная работа» выступает для нас одним из признаков культурной сенситивности и информированности о правах человека как важнейших профессиональных атрибутов новой профессии. Речь идет не только об обучении студентов толерантности, пониманию и признанию разнообразия [5, с. 88-89], но и о развитии профессиональных навыков распознавать дискриминацию и стремиться к соблюдению прав человека. Н.Рагозин предлагает при оценке преподавания прав человека выделять минимальный и оптимальный уровни развития способности суждения в области прав человека [6, с. 289]. Минимальный уровень относится к способности распознавать в общественной и политической жизни явления индивидуальной, групповой и институциональной дискриминации людей по

признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Оптимальный уровень – это готовность и навыки самостоятельного поиска путей и средств установления недискриминационных отношений с людьми, знание способов реализации и защиты прав человека на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Мы проанализировали 42 учебных пособия по основным и специальным курсам учебного плана специальности «Социальная работа», большая часть которых была издана с 1999 по 2004 гг. Отобранные для анализа источники изданы крупными компаниями Москвы и Санкт-Петербурга, 28 изданий имеют гриф УМО или Минобразования России. Рабочими единицами анализа выступают гендерные и этнические персонажи, квалифицируемые определенным образом, а также направления социальной политики и формы социальной работы, описание которых затрагивает те или иные смысловые аспекты гендера и этничности. В качестве единицы анализа, кроме того, выступает учебное пособие в целом, если оно целиком посвящено проблематике гендера или этничности, а также раздел учебного пособия или более мелкий его фрагмент, содержащий материал о нужной нам теме. В этом случае единицей контекста является логически завершенное смысловое пространство [7].

Презентация гендерной и этнической/расовой тематики анализируется в аспектах не только наличия интересующей нас проблематики, но и умолчания о ней. Как указывает Дж. Титус, хотя общее содержание может быть свободным от сексизма, невысказанные сообщения говорят нам об избирательном невнимании текста к гендеру и об отношении к сексизму и угнетению как к незначительным и неважным темам [8, р. 38, 42]. Эти умолчания, как и мимолетные упоминания тем, не получающих потом раскрытия и не разрабатывающихся в качестве концептуального объяснения

реальности, весьма значимы. И хотя эксплицитный сексизм и расизм в учебной литературе, скорее всего, довольно редки, нечаянный или неявный сексизм, как и неспособность обсуждать гендерное равенство как важную проблему социальной работы и социальной политики следует подвергать своевременной критике [9, p. 150]. Данное исследование делает акцент как на эксплицитных («что сказано») аспектах, так и на имплицитных («что не сказано») измерениях неравенства по признакам пола и этничности в текстах учебных пособий.

1. Гендерная экспертиза учебной литературы

О чем молчат учебники?

Весь корпус учебной литературы по итогам анализа можно условно разделить на четыре группы *по степени присутствия категории гендера в учебном тексте*. К *первой группе* мы отнесли издания, которые умалчивают о гендере. Таких изданий оказалось 10, причем среди них были и те, которые должны были бы отражать гендерную специфику. Так, история социальной работы [10] более полно была бы представлена с учетом деятельности женского движения конца XIX – начала XX вв., роли женских организаций в советское время и с акцентом на идеологии гендерного равенства при социализме. «Социальный менеджмент» [11] обходит своим вниманием проблематику управления некоммерческими организациями, где роль женщин несомненна.

Отсутствие символов гендера является признаком, по которому можно классифицировать материал. Некоторые издания, хотя и разрабатывают гендерно чувствительную тематику, демонстрируют слепую идеологическую позицию, очевидно, ввиду исторически сложившихся и уже не замечаемых отношений гендерного неравенства. В частности, в учебном пособии по социальной защите инвалидов [12], с одной стороны, излагаются основы отечественного законодательства, которое является прогрессивным в

его гендерно нейтральной риторике (например, речь идет не о матерях, а о родителях детей-инвалидов). С другой стороны, хотя автор и упоминает некоторые трудности реализации законодательства, проблемы дискриминации, различного влияния законов на жизнь людей в зависимости от их пола – как инвалидов, так родителей детей-инвалидов – не рассматриваются. Между тем, гендерный анализ социальной политики позволяет осуществить критический разбор современных институтов государственного управления социальной сферой, чтобы улучшить практику социального обслуживания.

Гендерные персонажи: «физиологические и иные особенности»

В десяти изданиях появляется персонаж, наделенный половыми признаками. Обычно это *женщина*. И хотя гендерная терминология (гендер, феминность/маскулинность, сексуальность, патриархальность) здесь не используется, но возникают коды половых признаков (женщина), женских ролей (материнство) [13-15], как и соответствующих прав [12; 16], льгот и гарантий, которые предоставляются «отдельным категориям работников с учетом их физиологических и иных особенностей» [17]. В частности, речь идет об особенностях трудоустройства женщин, назначения им уголовного наказания, правах на пособия и пенсионное обеспечение.

В истории социальной работы [18] персонаж «женщина» возникает при обсуждении такой практики социального контроля, как охота на ведьм, которая, как указывают авторы, стала не только средством отвлечения внимания крестьян от имущественных и социальных противоречий, но и зримым проявлением кризиса системы открытого призрения в указанный период» (с. 191). С нашей точки зрения, данный подход, при определенных ограничениях, безусловно, представляет полезную перспективу анализа, поскольку позволяет обратить внимание на нередко скрывающиеся стороны социальной работы, выполняющей функции социального контроля в той же

мере, что и социальной заботы. В самом деле, новые исследования истории социальной работы [см. напр.: 19; 20] и социальной политики [21] дают нам немало материалов к размышлению о том, какой вклад внесла профессия в оформление гендерных (и этнических/расовых) порядков в те или иные периоды развития системы социальной политики.

Гендер как переменная

Обращение к *гендерным различиям как демографическому конструкту* – отличительная черта следующей группы пособий, в которую вошло 14 книг. Здесь гендер играет роль переменной, от которой, как показывают авторы, зависит степень остроты социальной проблемы, уровень переживания стресса, особенности жизненной траектории и характер требуемой помощи. В девяти пособиях гендер как переменная возникает внутри одного или нескольких разделов, а в пяти изданиях является структурным компонентом книги, вынесенным в оглавление.

Половые различия и социальная работа

Рассмотрим вначале те образцы учебной литературы, где категория гендера не выделяется в качестве структурной единицы текста – раздела, параграфа, главы, – но затрагиваются ее понятийные области как переменной. Половые различия в подверженности и влиянии травматических событий рассматриваются в пособии по клинической психологии в социальной работе [22], однако здесь обнаружены только проявления дифференциации, но не обсуждаются ее причины. Тем самым «различия» показаны как естественный биологический факт, а не как следствие разделения труда в обществе, распространения патриархатных установок и практик насилия.

Единственная гендерно специфическая сторона детского развития, на которой сделан акцент в учебном пособии по социальной реабилитации [23],

– это повседневное копирование мальчиками своих отцов, а девочками – матерей (с. 19). Монородительские материнские семьи, очевидно, из этой теории выпадают. В то же время явный дисбаланс в распределении ответственности между родителями – это смещение нагрузки на мать – преподносится вне какой бы то ни было связи с компетентностью женщин в делах их детей, которая начинает восприниматься как природное свойство. Характеристика роли отца как вялой и отстраненной, а матери – включенной на инстинктивном уровне вне всякого объяснения причин явления и способов изменений – это биологизация гендерных различий.

В другом учебном пособии [24] представлены характеристики современного общества, виновные в разрушении или ослаблении семейных связей: «Раньше главной заботой женщины была семья. Теперь вследствие облегчения домашнего труда женщина имеет возможность трудиться вне семьи... активно участвовать в деятельности государственных, общественных и политических организаций. Все перечисленное ведет к тому, что семья по существу лишается света, согревающего ее» (с. 78). В неполной семье, как утверждает, «нередко мать, воспитывая ребенка по своему образу и подобию, тем самым неосознанно толкает его к повторению своей личной жизни, к усвоению стандартов своего поведения» (с. 90). К сожалению, воспитываемые на такой литературе студенты рискуют выучить предубеждения в качестве официальной точки зрения, которую нужно представлять на зачетах и экзаменах, а затем транслировать в их профессиональной деятельности.

Учебное пособие по этнической психологии [25] рекомендовано для студентов, изучающих социальную работу. Ввиду постарения населения, пишет автор, возникает тенденция к снижению совокупной трудовой активности населения, при этом «растут маргинальные слои населения», которые пополняются «в основном за счет молодежи, особенно сирот и детей из неблагополучных семей, женщин-работниц, имеющих детей, и матерей-

одинок» (с. 118). Если матери-одиночки уже давно упоминаются в популярной литературе и дискурсе чиновников [см. 26], то появление в списке маргиналов работающих женщин с детьми представляется новым, постсоветским явлением.

В пособии «Прикладные методы социальной медицины» [27] гендерная тематика фигурирует в контексте примеров различных странностей и перверсий. А в «Социальной геронтологии» [28] можно найти объяснение половых различий выхода на пенсию. Оказывается, «выход на пенсию легче переносится женщинами, чем мужчинами. ... Выход на пенсию женщин, обремененных домашними обязанностями, ведением хозяйства, воспитанием детей, воспринимается ими как серьезное облегчение и удовлетворение» (с. 158). Налицо идеология женской работы, согласно которой основное предназначение женщин – это домашний труд, а их оплачиваемая занятость временна и неосновательна.

«Добавить женщину и перемешать»

Следующая группа представлена пятью изданиями, в оглавлении которых присутствует категория гендера. Учебное пособие по социальной работе [29] содержит параграф «Феминология», где на шести страницах в весьма позитивной трактовке рассказывается о феминизме как социальном движении и теории (с. 440-445), а в других разделах весьма непоследовательно дается характеристика разводов в аспекте их отрицательного влияния на нравственно-психологическое развитие детей, а также осуществляется демонизация монородительских семей, которым приписываются стереотипные негативные качества.

Учебное пособие «Теория социальной работы» [30] содержит главу «Сексизм и этнизм как факторы дискриминации человека», в которую входит параграф «Сексизм и антидискриминационная практика социальной работы» (с. 321-329). Ключевые понятия параграфа: дискриминация, феминизм,

женщина. В этом же пособии есть параграф «Феномен пола и психосоциальные проблемы клиента» (с. 338-354), где говорится о мужских и женских стереотипах, ролевом поведении в социуме, в семье, на производстве.

В другом учебнике [31] гендерно окрашенные персонажи встречаются дважды: это люди с гомосексуальной ориентацией и женщины. О гомосексуальности здесь говорится в разделе «Девиантное поведение на почве сексуальных заболеваний» (с. 274). В разделе «Социальный контроль девиантного поведения» говорится о необходимости формирования терпимого и милосердного отношения к «инакодействующим (сексуальным меньшинствам и пр.)» средствами массовой информации, учебными и просветительскими организациями (с. 278). Социальной защите женщин здесь посвящена глава 16, в которой рассматривается влияние на женщин идеологических и социально-экономических процессов. Итог нынешних социальных трансформаций в России подан с отрицательных позиций. Тематизации главы – низкая степень участия женщин в политике, женское лицо безработицы, рост заболеваемости и сокращение продолжительности жизни, насилие над женщинами.

В главе «Основные социальные группы российского общества» учебника «Социальная политика» говорится, что женщины «представляют социально-демографическую категорию населения, которая отличается рядом физиологических особенностей, специфическим гормональным статусом, положением в социальной структуре... Основная причина выделения женщин в качестве особой социально-демографической группы и специфической категории клиентов социальной работы является биологической предпосылкой целого ряда культурных и социальных последствий» [32, с. 684]. Подобная трактовка женщин как особого биологического вида, очевидно, может вести к практике патриархатных отношений и дискриминации.

Гендер как концептуальная основа анализа

В нашей выборке оказалось четыре таких издания, где гендер эксплицитно заявлен как *методология теоретической и практической социальной работы*. Уже упоминавшееся пособие по теории социальной работы [30] дает определение сексизма (с. 321-327). При ближайшем знакомстве с другой частью пособия читатель обнаружит, что специалисту нужно знать «поло-ролевые особенности клиента», поскольку «социальный работник, определяя проблемы клиента, одновременно помогает ему осознать поло-ролевые функции в социуме, что способствует наполнению ресоциализации гуманистическими концепциями и нормами» (с. 352). Из небольшого подраздела «Социальная работа и проблемы пола» мы узнаем о месте гендерного подхода в профессиональной практике. Это место – семья.

Авторы учебного пособия «Психология социальной работы» [33], рекомендованного Советом по психологии УМО по классическому университетскому образованию для студентов, обучающихся по специальности «психология», обращаются к категориям гендера, говоря о необходимости распознавания сексизма, важности применения антирасистской практики социальной работы (с. 55). Однако далее в пособии приводятся медикалистские объяснения гомосексуальности, к тому же еще и демонизирующие монородительские семьи. Затем автор без какого-либо перехода вдруг начинает говорить о выборе и индивидуальном самоопределении (с. 299), уважении сексуальной ориентации клиента и даже о необходимости учитывать опыт социальной дискриминации клиента (с. 300).

Учебное пособие по социальной работе с пожилыми людьми [34] успешно решает задачу применения демографических данных в качестве основы для последующей концептуализации социальных проблем и социальной работы в гендерном аспекте: ввиду численного преобладания

женщин над мужчинами в старших возрастах среди населения Российской Федерации автор ставит «актуальную задачу исследования особенностей «женской старости» с точки зрения состояния здоровья, материально-имущественного и семейного статуса, способности к самообслуживанию, специфики социальных потребностей» (с. 86).

То, что профессия имеет ярко выраженную «женскую специфику», нашло своеобразное выражение в учебном пособии по менеджменту социальной работы [35]. В этом пособии феномен пола играет роль концептуальной основы обсуждения проблемы в ключе гендерных стереотипов: поскольку среди руководителей социальных служб преобладают женщины, то, считает автор, «необходимо учитывать «домашние роли» женщины-руководителя – мать, жена, домохозяйка» (с. 11).

Явный сексизм в учебной литературе

Учебное пособие по социальной медицине Е.В.Черносвитова [37] изобилует сентенциями, которые совсем не ожидаешь увидеть в современном учебном пособии для социальных работников. Очевидный сексизм и гомофобия (как и этноцентризм) воспроизводятся в пособиях, хрестоматиях и практикумах этого автора как те дискурсивные практики, которые нацелены на ущемление достоинства людей.

Семья и женщины

Отдельно следует сказать о двух книгах, посвященных вопросам, непосредственно связанным с гендерными отношениями, о чем говорится в их названиях: семейная политика и социальная защита женщин. В учебном пособии по семейной политике [14] говорится о гендерной политике (с. 20), правда, ни принципы, ни направления ее не раскрываются. Пособие по социальной защите женщин, детей и семьи уже своим названием [13]

наводит на мысль, что гендерный подход здесь осуществляется с таких позиций, которые связывают проблемы семьи и детей *исключительно с женщинами*. Акцент на улучшении положения женщин, а не на гендерном равенстве, который звучит как в учебном пособии, так и в официальном документе – «Национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе на 2001-2005 годы», – по мнению О.А. Ворониной, обусловлен, в том числе, живучестью традиционного советского подхода [36, с. 260].

2. Дискурс этничности в учебных пособиях по социальной работе

Невидимые различия

Весь корпус учебной литературы по итогам анализа можно условно разделить на три группы *по степени присутствия категории этничности в учебном тексте*. К *первой группе* мы отнесли те издания, которые умалчивают об этничности. Таких изданий оказалось 22, причем среди них были и те, которые, должны были бы содержать аспекты этнографической специфики изучаемого феномена, судя по представленным в Госстандарте дидактическим единицам (в частности, издания по социальной геронтологии, социальной политике, социальному менеджменту).

По мнению В. Малахова, «средоточие политик культурного плюрализма в демократическом обществе образует не поощрение «диалога» между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, а формирование общего коммуникационного пространства, которое по своей природе надэтнично» [38, с. 59]. В самом деле, целый ряд аспектов образования по социальной работе не требуют никакого специального акцента на этнических различиях, что и демонстрируют многие проанализированные пособия [12; 39; 14; 22; 23]. Вместе с тем, некоторые издания, очевидно, ввиду исторически сложившихся и уже не замечаемых отношений неравенства между доминирующими этническими группами и

меньшинствами, способствуют символическому закреплению властных позиций доминирующей группы. В частности, учебные пособия по истории социальной работы [10; 40] представляют типичный метанарратив, который способствует формированию монокультурной профессиональной идентичности: здесь эволюция общинной, церковной и государственной социальной поддержки, начавшись со славян-язычников, в течение дальнейшего периода вплоть до социалистической революции наблюдается по делам православной церкви и монастырей. Никаких культурных различий в связи с этничностью или конфессией не просматривается и в ходе советской истории социального обеспечения.

Этничность в постраничной сноске

Во *вторую группу* вошли те образцы учебной литературы, где категория этничности не выделяется в качестве темы структурной единицы текста – раздела, параграфа, главы, – но затрагиваются ее *понятийные области*. В нашей выборке оказалось 14 таких изданий.

В учебном пособии «Социальная работа с осужденными» [41] нет специальных разделов, в которых бы раскрывалось смысловое поле этничности. Однако в главу «Социальная работа с осужденными в пенитенциарных учреждениях» включен параграф «Педагогические аспекты социальной работы в исправительном учреждении», где излагаются соображения по религиозной программе деятельности попечительского совета как одной из форм социальной работы с заключенными (с. 126-151). Индивиды и группы, являющиеся объектом внимания социального работника, мыслятся как субъекты теологических категорий, этим обусловлен и специфический характер дискриминации в религиозной сфере: говорится здесь исключительно о роли христианской церкви в воспитательной работе с осужденными. Между тем, в начале учебного пособия авторы утверждали, что социальный работник обязан «стремиться,

чтобы все люди имели свободу выбора и доступа к необходимым им средствам и услугам» (с. 57), а также, что «в соответствии с конституционными положениями нормы уголовно-исполнительного кодекса не устанавливают каких-либо ограничений для осужденных в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности, религиозных и политических убеждений» (с. 37).

В учебном пособии Е.И. Холостовой [42] в главу «Структура, объект и субъект социальной политики» включен параграф «Территориально-государственный тип социальной политики», где в качестве важнейшего обстоятельства, влияющего на реализацию государственной социальной политики, указаны «социально-культурные особенности населения той или иной территории, которые формируют определенные социальные ожидания по отношению к социальной политике, продуцируют специфические формы социальной поддержки» (с. 31). Автор указывает, что «в регионах с хорошо сохранившимися формами традиционного поведения распространена семейно-родовая поддержка детей и престарелых, отчего клиентами учреждений социального обслуживания являются в первую очередь представители нетитульного населения» (сноска 5, с. 31).

Подобная интерпретация, провозглашая культурную самобытность, одновременно приписывает «естественные» культурные отличия индивидам и группам. Социальное обслуживание должно отвечать универсальным принципам прав человека, государственному и региональному законодательству. Ведь «этнизация политического, подмена гражданского сообщества этническим» означает этноцентристскую версию дискриминации [43, с. 18]. С другой стороны, в локальных культурах накоплен значительный опыт помощи пожилым, который может стать полезным ресурсом социального работника, или может быть проигнорирован в силу евроцентристских установок специалиста или администратора в организации социальной защиты.

Учебное пособие по социальной медицине [37] затрагивает актуальные на постсоветском пространстве проблемы социальной медицины, среди которых – «вынужденные переселенцы» (с. 21-22). Обсуждая вопрос о проблемах беженцев и вынужденных переселенцев (с. 72-80), Е.В. Черносвитов указывает, что «одним из следствий многолетней работы по регулированию миграционных потоков является, в частности, изменение национального состава вынужденных мигрантов в сторону увеличения удельного веса этнических россиян»¹ (с. 79). Социальная медицина здесь представляет собой пример концепции-гибрида, в которой биологизаторские идеи и дискурс нетерпимости переплетены с гуманистическим контекстом.

«Этническая среда» социальной работы

Следующая группа учебных пособий представлена шестью изданиями, в оглавлении которых *присутствует категория этничности*. В учебном пособии по технологиям социальной работы [44] коды этничности присутствуют в оглавлении книги. Интересующая нас проблематика выражается через тему миграции. «Главной задачей социальных служб, так или иначе встречающихся с миграцией в своей работе, – указано в пособии, – является сведение к минимуму тех отрицательных тенденций и последствий, которые она в себе несет. Оппозиция «благо-зло» в отношении к экономическому измерению миграции согласуется с идеями Д. Голдберга о моральном обосновании идеологии эксплуатации «чужих» «своими» ввиду потребности в дешевом сырье и труде с развитием капитализма [45].

В учебнике под редакцией П.Д. Павленка, рекомендованном Министерством общего и профессионального образования РФ для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Социальная работа» [31], имеется глава о «роли социальной работы в нормализации

¹ Судя по контексту, автор имел в виду этнических русских, так как выражение «этнический россиянин» лишено смысла.

отношений между социально-этническими общностями» (с. 241-252). Сформулировав такую проблему, автор раздела прибегает к довольно архаичной классификации: «Выделяют нации буржуазные, социалистические и нации переходного типа» (с. 241). В этом же учебнике есть глава «Миграция и проблемы социальной работы» (с. 253-263), в которой этничность проблематизируется как потеря территориальных корней, маргинальность, дезинтеграция и реинтеграция, ущемление прав.

В другом пособии [29] вводится понятие культурного стереотипа как обобщенного типа поведения, характерного для общества и его представителей, который может создавать трудности для социального работника в процессе оценки потребностей клиента: «Можем ли мы в процессе непродолжительного общения, которое возникает между социальным работником и клиентом, определить, соответствуют ли претензии на социальную защиту жизненно важным потребностям этого человека или же здесь более значительную роль играют формальные поведенческие стереотипы?» (с. 491). Этнический персонаж здесь лишен тех основных добродетелей, которыми должны отличаться достойные клиенты социальной работы – он непослушен, его традиционность, дезадаптированность и нежелание рационализировать свое поведение ассоциируется с отсталостью и сопротивлением модернизации.

Учебное пособие «Основы этнической психологии» [25] рекомендовано УМО вузов РФ по социальной работе. В разделе VI «Межэтнические конфликты» читаем: «Межэтническим конфликтам всегда сопутствуют вынужденные мигранты» (с. 308). Коды этничности в этом разделе: «напряженность», «конфликты», «кризисная ситуация», «психическая инфляция», «гиперидентичность», «социальная паранойя». Автор прибегает к медицинским ассоциациям, представляя проблему миграции в виде «эпидемии», а переселенцев и беженцев – как разносчиков «микробов национализма» (с. 309). Хотя мигрантофобия довольно широко

распространена на уровне обыденного сознания, присутствие подобного дискурсивного оформления проблемы в академической литературе не может не настораживать. По мысли Д.Т. Голдберга [45, р. 78], воспринимаемые неудачи некоторых групп (определяемых в культурно- или биологически-расовых терминах, в т.ч. в терминах этничности) – преуспеть или интегрироваться в обществе ведут отнюдь не к рефлексии относительно того, как конструируются доминирующие образы и смыслы границ между «нами» и «ими», не к критике практик исключения и ограничения меньшинств. Эти неудачи, напротив, понимаются автором как недостаток тех или иных способностей, ценностей или иных качеств самой группы.

«Теория социальной работы» [30] содержит параграф «Этноцентризм и проблемы поддержки нуждающихся» (с. 329-336), в основном посвященный обсуждению классификаций причин этноцентризма и дискриминации, разновидностей этнической самоидентификации и межэтнических отношений, «типов дискриминатора». Собственно социальной работе уделяется две страницы, на которых излагаются принципы «взаимодействия с этночувствительными клиентами». С нашей точки зрения, «этночувствительности» недостает не клиентам, а именно социальной работе в смысле профессиональной сенситивности к опыту дискриминации и насилия, который приобретают люди в определенных социальных условиях.

Заключение

Российский дискурс о гендере и этничности в массовых отечественных учебниках по социальной работе в настоящее время по-прежнему является закрытым не только для методологической дискуссии о гендере и мультикультурализме, но и для многих других современных социальных теорий. Подобное состояние наследует дискурсивный дефицит советского периода, когда, по словам Е. Здравомысловой и А. Темкиной, «многие традиции, создававшие почву для критической теории, были

маргинализированы, и ...существовали в советском дискурсе лишь под рубрикой критики буржуазных теорий или выражались эзоповым языком» [46, с. 18]. Многие из проанализированных учебных изданий воспроизводят специфику советского дискурса о «нациях», «национальностях» и «половом вопросе».

Наибольшее развитие *гендер* как концепция находит в тех редких учебных пособиях, написанных на иностранном материале, где излагаются западные теории, поддерживаемые иллюстрациями из западных же исследований. Однако, даже в этих пособиях концептуальное представление о гендерных различиях в аспекте прав человека или факторов формирования социальных проблем упоминаются мимоходом: как правило, им посвящается небольшой фрагмент одного из разделов, а дальнейшее повествование ведется не на основаниях гендерной теории, а вне или даже вопреки им.

Умолчание о гендере означает незнание и игнорирование тематики, но в ряде случаев свидетельствует о сознательном выборе биодетерминистских позиций. Употребляя гендер как переменную, авторы констатируют половые различия ухода за инвалидами или отбывания наказания в исправительном учреждении. Чаще всего в таких случаях половые различия предстают биологическими овеществленными сущностями, а социальные условия их конструирования не принимаются в расчет. Если же к бинарной категории пола прибегают как к демографическому параметру, то очень поверхностно, поскольку дальнейшее объяснение проводится по совершенно другим переменным, не связанным ни с полом, ни между собой (возраст, инвалидность и пр.). Вполне в духе патриархатной государственной идеологии звучат морализаторские суждения по поводу матерей вообще, которые классифицируются на правильных и неправильных, одиноких матерей, в частности, – эти персонажи показаны аморальными, неблагополучными и опасными как для своих собственных детей, так и для общества в целом. То, что в проанализированной учебной литературе в

качестве персонажа с половыми признаками выступает именно женщина, – показательно для патриархатного представления о норме как «белом мужчине среднего класса, имеющем работу», и патоцентричных представлений о социальной работе в целом. Анализа гендерной специфики социальных проблем или социальной работы здесь мы не найдем.

Определение атрибутов *этничности* в поле социальной политики и социальной работы осуществляется в модусах культурной специфики, социальной проблемы и прав человека. В этом символическом континууме смысловая атрибуция этничности осуществляется с различной степенью обеспокоенности относительно общественной безопасности и порядка. Репертуар модальности может быть представлен на континууме от нейтральных символов культурных вариаций, к правам на труд и социальное обеспечение до необходимости регуляции, контроля, применения силы. Этнические персонажи квалифицируются как особые клиенты системы социального обслуживания, в принципе способные к интеграции, но выступающие источником реальной или потенциальной социальной опасности. Как правило, эта квалификация фокусируется на статусе мигранта, принадлежности к культурной группе, типу семьи без внимания к другим параметрам статуса. В проанализированных учебных пособиях отсутствует язык расизма и исламофобии, однако, в некоторых изданиях происходит символическое утверждение доминирующих этнических атрибутов – конфессии, традиций, культуры, истории. Технологии нондискриминационной или мультикультурной социальной работы, активной толерантности, позиции социальной критики пока в рассмотренной учебной литературе не раскрыты.

По результатам анализа можно заключить, что учебные тексты по социальной работе пока не создают базу, необходимую для минимального уровня компетентности в области прав человека, не способствуют распознаванию в общественной и политической жизни индивидуальной,

групповой и институциональной дискриминации людей и слабо ориентируют на познание и уважение различий, на формирование толерантности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. *Е.Б. Мезенцева*. М.: ИСЭПНРАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002.
2. *Журженко Т.Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков: Фолио, 2001.
3. Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. *Е.Б. Мезенцевой*. М.: Идея-Пресс, 2000.
4. Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002.

5. *Уолцер М.* О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
6. *Рагозин Н.* Принцип интеркультуральности в преподавании прав человека: методические проблемы // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. *В.С. Малахова* и *В.А. Тишкова*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
7. *Федотова Л.Н.* Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Научный мир, 2001.
8. *Titus J.* Gender messages in education foundations textbooks // *Journal of Teacher Education*. № 44, 1993.
9. *Grise-Owens E.* Sexism and the Social Work Curriculum: A Content Analysis of the *Journal of Social Work Education* // *AFFILIA*, Vol. 17. No. 2, 2002.
10. *Фирсов М.В.* История социальной работы в России. Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2001.
11. *Макашева З.М., Калиникова И.О.* Социальный менеджмент. Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
12. *Антипьева Н.В.* Социальная защита инвалидов в Российской Федерации: правовое регулирование. Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002.
13. *Зубкова Т.С., Тимошина Н.В.* Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. М.: Academia, 2003.
14. *Климантова Г.И.* Государственная семейная политика современной России. Учебное пособие. М.: «Дашков и К^о», 2004.
15. Социальная работа: теория и практика. Учебное пособие/ Отв. ред. *Е.И. Холостова, А.С. Сорвина*. М.: ИНФРА-М, 2001.
16. *Волгин Н.А., Гриценко Н.Н., Шарков Ф.И.* Социальное государство. Учебник. М.: «Дашков и К^о», 2003.
17. Трудовое право России. Учеб.пособие / Под ред. *Л.Н. Анисимова*. М.: ВЛАДОС, 1999.

18. *Кузьмин К.В., Сутырин Б.А.* История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
19. *Hering S. and Waaldijk B.* (eds.) History of Social Work in Europe (1900-1960) Female Pioneers and their Influence on the Development of International Social Organisations. Verlag Leske und Budrich, 2003.
20. *Platt T., LaPan A.* To Stem the Tide of Degeneracy: The Eugenic Impulse in Social Work // Stuart Kirk (ed.) Mental Health and the Social Environment: Critical Perspectives (Columbia University Press), forthcoming.
21. *Hoffmann D. L.* Mothers In The Motherland: Stalinist Pronatalism In Its Pan-European Context // Journal of Social History, Fall, 2000.
22. Клиническая психология в социальной работе. Учебное пособие / Под ред. *Б.А. Маршнина*. М.: Academia, 2002.
23. *Мардахаев Л.В.* Социально-педагогическая реабилитация детей с ДЦП. Учебное пособие. М.: МГСУ, 2001.
24. Социальная педагогика / Под ред. *В.А. Никитина*. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002.
25. *Платонов Ю.П.* Основы этнической психологии. Учеб. пособие. СПб: Речь, 2003.
26. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная защищенность городской монородительской семья // Мир России. Т. XIII. № 2, 2004. С. 66-95.
27. *Черносвитов Е.В.* Прикладные методы социальной медицины. М.: ВЛАДОС, 2002.
28. *Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г.* Социальная геронтология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
29. Социальная работа / Под общей ред. проф. *В.И. Курбатова*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

30. *Фирсов М.В., Студенова Е.Г.* Теория социальной работы. Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: «ВЛАДОС», 2000.
31. Основы социальной работы. Учебник / Отв. ред. *П.Д. Павленок*. М.: Инфра-М, 1997.
32. Социальная политика. Учебник / Под ред. *Н.А. Волгина*. М.: «Экзамен», 2002.
33. Психология социальной работы/ Под ред. *М.А. Гулиной*. М., СПб: Питер, 2004.
34. *Холостова Е.И.* Социальная работа с пожилыми людьми. Учебное пособие. М.: «Дашков и К^о», 2002.
35. Менеджмент социальной работы. Учебное пособие / Под ред. *Е.И. Комарова и А.И. Войтенко*. М.: ВЛАДОС, 1999.
36. *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: УРСС, 2004.
37. *Черносвитов Е.В.* Социальная медицина. Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
38. *Малахов В.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. *В.С. Малахова и В.А. Тишкова*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
39. *Золотарева Т.Ф., Минингалиева М.Р.* Основы психологической самопомощи социального работника. Учебное пособие. М.: МГСУ, 2001.
40. *Мельников В.П., Холостова Е.И.* История социальной работы в России. Учебное пособие. 2-е издание. М.: Маркетинг, 2002.
41. Социальная работа с осужденными. Учебное пособие / Под общей ред. *В.И. Жукова, М.А. Галагузовой*. М.: Изд-во МГСУ, 2002. .
42. *Холостова Е.И.* Социальная политика. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2001.
43. *Малахов В.* Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред. *В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова*. СПб: Алетейя, 2002.

44. Технология социальной работы. Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. *И.Г. Зайнышева*. М.: «Владос», 2002.
45. *Goldberg D.T. Racist Culture*. London: Cambridge, Mass., Oxford, UK, 1994.
46. *Здравомылова Е., Темкина А.* Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс //Хрестоматия феминистских текстов. Переводы /Под ред. *Е. Здравомысловой, А. Темкиной*. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.